

Митрополит Воронежский и Лискинский Сергей

Нужно уметь давать человеку надежду

Один из старейших иерархов Русской Православной Церкви, митрополит Воронежский и Лискинский Сергей, глава Воронежской митрополии, в августе нынешнего года отмечает 70-летие со дня рождения. На страницах нашего журнала владыка делится с читателями воспоминаниями о своем жизненном пути, работе в международных христианских организациях за границей, организации и становлении деятельности Синодального отдела по социальному служению и церковной благотворительности, а также рассказывает о современной жизни Воронежской митрополии.

— Владыка, вы родились в послевоенные, тяжелые годы. Каким вам запомнилось ваше детство?

— Детство было трудным, как и у всех тогда. Продуктовые карточки отменили за два года до моего рождения, но и два года спустя было голодно. Но этих трудностей мы, дети, тогда не замечали, детские годы для меня были счастливыми, несмотря ни на что.

Мы жили тогда в Краснозаводске, маленьком городке в 15 км от Сергиева Посада (тогда Загорска), и все его существование зависело от военного завода. Он был и кормилец, и поилец. Быт был заводской, можно сказать, спартанский. На этом заводе работали и мои родители. Сами они — из крестьян, выходцы из деревень Ярославской и Владимирской областей. Как это всегда было в советское время, город притягивал крестьянское население, и в силу обстоятельств им пришлось перебраться в город и перейти из крестьян в рабочий класс.

— *Ваши родители смогли сохранить веру?*

— Да, родители были верующими, в доме хранился молитвослов, тоненькая книжка, отпечатанная в военное время, но это и все. А вот у дедушки были и Библия, и Новый Завет. Жил он в Краснозаводске, от нас километрах в трех, и я часто бегал к нему в гости. Там, у деда, я научился церковнославянскому языку. Еще дошкольником, за руку с мамой, я ходил в храм. Лет с десяти приезжал в Троице-Сергиеву лавру один, оставался ночевать в храме, чтобы утром молиться за Литургией. К 6-му классу я уже решил, что стану священником.

— *Знали ли об этом в школе?*

— Бывало, мне как верующему и бойкоты объявляли, выставляли на общую линейку, отчитывали, торжественно снимали крестик с шеи. Но не выбрасывали его, а отдавали родителям. Такие мероприятия проводились постоянно. Но, правда, я всегда чувствовал поддержку своих друзей.

Конечно, мне было обидно и насмешки выслушивать, и на школьных линейках стоять. Нехватку понимания я восполнял в разговорах со своим дядей. Он прошел всю войну, был на Ленинградском фронте, чудом остался жив.

Мне помогали примеры, которые были перед глазами. Моим духовным отцом был архимандрит Тихон (Агриков), известный подвижник, молитвенник, духовник, к которому всегда шли люди — на исповедь, за советом. С ним было не-

просто видеться, потому что его всегда окружали люди, искавшие у него духовной поддержки. А советская власть отца Тихона не жаловала. Травили его как могли: то подсылали к нему каких-то сумасшедших женщин-кликуш, то устраивали другие скандалы, лишь бы выжить из Лавры, в которой он, кстати, был доцентом духовной академии. Так и выжили. В конце 1990-х годов отец Тихон скончался в Мытищах, прожив большую часть жизни под наблюдением милиции. Чем не мученическая судьба? Знаете, это ведь особая тема — бескровные мученики Церкви в позднесоветские годы. В лагеря их уже не ссылали, не расстреливали, но и дышать не давали...

— *В 1967 году вы стали учиться в Московской духовной семинарии. В советские годы это требовало особой целеустремленности. Насколько сложно было туда поступить?*

— Надо было получить справку от священника. И не просто от одного из монахов Лавры, а от священника, который был бы известен и состоял бы у властей на хорошем счету. Тогда я пришел в Ильинскую церковь, где меня очень хорошо знали, ведь там я и вырос как верующий человек. Клирики этого храма обратились за помощью к настоятелю — отцу Тихону Пелеху, старцу преклонных лет, широко известному своей прозорливостью. У отца Тихона Пелеха было особое положение. Он уже столько натерпелся на своем веку и был на таком счету, что все разговоры с ним в «органах» считали бесполезными.

И все-таки даже он поначалу колебался и боялся дать мне характеристику. Но все же согласился, написал.

С этого времени я оказался в центре внимания светских властей, только на этот раз более высокого уровня. Я был для них неудобный юнец, который портит районную отчетность по атеистическому воспитанию населения. До сих пор удивляюсь, как я мальчишкой мог противостоять их натиску. При поступлении в семинарию самым «страшным» из экзаменов была медицинская комиссия. У членов комиссии был на руках список абитуриентов, которых надо было «срезать». Медкомиссию я не прошел вместе с двумя бывшими военными летчиками-испытателями. Для меня оставался единственный выход: записаться на

прием к ректору. Он вошел в мое положение и предложил следующий вариант: мы допускаем тебя до экзаменов, ты их сдаешь, но потом, по договоренности с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым), едешь учиться в Ленинградскую духовную семинарию. Экзамены я сдал, будучи в отдельном списке, и оказался по набранным баллам первым среди абитуриентов. Теперь все решал Ученый

совет, на котором владыка Филарет без обиняков рассказал мою историю. До сих пор не знаю, кто именно из Ученого совета сказал, что никуда меня отсылать не надо — Московской духовной семинарии самой нужны способные студенты. Так я остался в Загорске.

— *Вы не только учились, но и приняли монашеский постриг с именем Сергий в честь преподобного Сергия Радонежского в Троице-*

Всякий человек — это целый мир, уникальный и очень хрупкий, и, если задеть его нетерпимостью, диктатом, можно разрушить и жизнь, и семью, и дружбу.

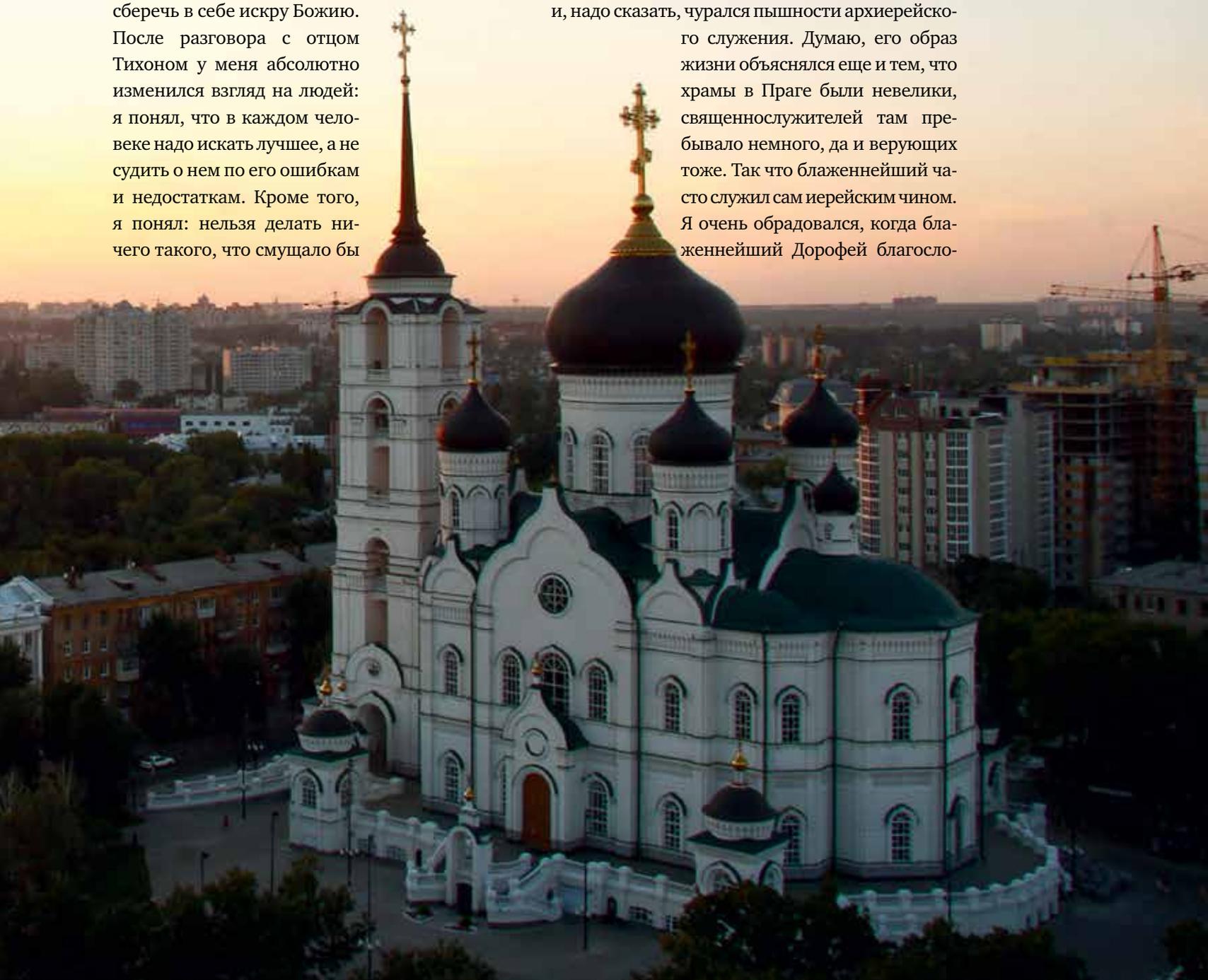
Сергиевой лавре. Какие чувства вас связывают с этой обителью?

— Лавра, под сенью которой возродилась Московская духовная академия, была уголком святости, оазисом чистого духа. Мне вспоминается один весьма поучительный случай и очень хороший урок, который преподал мне отец Тихон (Агриков), мой духовник, человек поистине прозорливый. Как-то во время беседы отец Тихон стал рассказывать о насельниках Лавры, об их жизни: и прежней мирской, и нынешней монашеской. Он говорил о каждом из них с чистым сердцем, искренне радуясь всему хорошему, что в них есть, и объясняя, каких порой трудов и мучений стоило этим людям сохранить, сберечь в себе искру Божию. После разговора с отцом Тихоном у меня абсолютно изменился взгляд на людей: я понял, что в каждом человеке надо искать лучшее, а не судить о нем по его ошибкам и недостаткам. Кроме того, я понял: нельзя делать ничего такого, что смущало бы

других людей, и вообще надо всеми силами стремиться к жизни святой, безгрешной. Помню, как отец Тихон, подводя итог нашей беседы, сказал: «Не забудь, что у нас вся братия святая».

— Ваше пастырское служение началось в Праге в качестве представителя Русской Православной Церкви при Христианской мирной конференции. А после вашей хиротонии во епископа Солнечногорского, викария Московской епархии, в 1985 году вы вновь были направлены за границу — уже в Женеву. Расскажите, как проходило ваше служение за рубежом?

— В Праге мне доводилось служить с блаженнейшим Дорофеем, митрополитом Пражским и всея Чехословакии. Он был святым человеком и, надо сказать, чурался пышности архиерейского служения. Думаю, его образ жизни объяснялся еще и тем, что храмы в Праге были невелики, священнослужителей там пребывало немного, да и верующих тоже. Так что блаженнейший часто служил сам иерейским чином. Я очень обрадовался, когда блаженнейший Дорофей благосло-

Пасхальное богослужение в Покровском академическом храме. 1970 г.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Благовещенском кафедральном соборе г. Воронежа с архипастырями. 18 сентября 2011 г.

Принесение мощей апостола Андрея Первозванного со Святой Горы Афон в Храм Христа Спасителя. 9 июня 2003 г.

вил меня служить в храме в честь Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище. Это кладбище русской славы, там похоронены жертвы Первой и Второй мировых войн, солдаты и офицеры Русской императорской и Советской армий. Церковь на Ольшанах построили наши эмигранты в 1924 году по благословению Святейшего Патриарха Тихона. Этот небольшой храм, выдержанный в русском стиле, сразу же стал центром жизни русской эмиграции первой волны.

Я видел надгробные памятники, читал имена, выбитые на них, и понимал, что передо мной история эмиграции. Когда-то в Праге бурлила

Президент РФ В.В. Путин вручает митрополиту Сергию орден Дружбы. Москва, 2005 г.

русская жизнь — научная, культурная, деловая. Потом все стихло и растворилось среди европейских народов, и к моменту моего приезда в эту страну в ней оставались единицы, кто помнил как единое целое старую Россию, Белое движение, да и саму русскую диаспору в Европе. Мне в этом смысле повезло: я еще успел застать тех людей, которые по-прежнему считали центром духовной жизни маленькие православные храмы Праги, тянулись к ним и не покидали их.

В Чехословакии я сформировался как священник и понял одну, в общем-то, простую вещь: кичиться в этой жизни нам, людям, абсо-

лютно нечем. Нужно внимательно относиться к каждому человеку, с которым Бог благословил встретиться. Тогда я усвоил для себя правило: старайся работать с человеком, пока не найдешь с ним общего языка, и никогда не настаивай на своей абсолютной правоте. Всякий человек — это целый мир, уникальный и очень хрупкий, и если задеть его нетерпимостью, диктатом, можно разрушить и жизнь, и семью, и дружбу. Долг священника не сокрушать, а сохранять этот мир и, если потребуется, подправлять его. Но подправлять терпеливо, не спеша, собственным примером, всегда руководствуясь евангельскими истинами и ценностями.

Женевский же приход сформировался в годы Второй мировой войны по той причине, что в зарубежном храме служили молебны за победу германского оружия и стали собирать подписи под обращением к Гитлеру, чтобы тот вернул русским эмигрантам их имущество, экспропрированное в ходе революции, — дома, фабрики, «пароходы». Те, кому это было противно, и образовали общину Московского Патриархата.

Общий язык можно было находить лишь с теми людьми из первой русской эмиграции (священниками и мирянами), кто искал общения с Матерью-Церковью без всяких условий, кто хотел воссоединиться со своим народом, забыв прежние обиды и претензии.

Подлинная история революций 1917 года и Гражданской войны не написана по сей день — в ней еще слишком много белых пятен. Будучи в Женеве, я имел редкую возможность заглянуть в ту эпоху благодаря воспоминаниям своих прихожан, каждый из которых являлся представителем целого пласта бывшего русского общества.

— Вы вернулись в Советский Союз в 1991 году, когда вам было поручено возглавить Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. Как вам удалось наладить его работу? Ведь тогда государственное законодательство запрещало Церкви заниматься социальными вопросами и благотворительностью...

— Святейший Патриарх Алексей II поставил тогда перед нами задачу, чтобы отдел существовал на самофинансировании. Нужно было выживать и искать какие-то дополнительные источники дохода. Но поскольку я работал при

Всемирном Совете Церквей, у меня осталось немало связей, необходимых для подобной деятельности. Нашлись помощники — хорошие, добрые христиане, правда, из-за границы, — и с их помощью мы открыли в Москве две пекарни. Благодаря этому удавалось содержать довольно большой коллектив нашего отдела. Постепенно восстановили храмы во имя преподобного Сергия Радонежского и святителя Алексия, митрополита Московского, реставрировали здание бывшей богадельни в Черкизове, переданное нам московскими властями.

Для детей из неблагополучных семей в Москве была открыта школа-интернат имени преподобного Сергия Радонежского, где ребята воспитывались в духе христианской нравственности и патриотизма. Это был первый опыт подобного рода в Москве, за который несли ответственность и государство, и Церковь.

В ведении отдела находилась Центральная клиническая больница Московского Патриархата во имя святителя Алексия, митрополита Московского (5-я градская больница). С помощью зарубежных христианских Церквей и благотворительных организаций мы снабдили ее оборудованием и лекарствами. Обследование и лечение проводились бесплатно.

Отдел получал и распределял по всем епархиям нашей Церкви гуманитарную помощь из-за рубежа, что являлось школой для возрождения благотворительности на приходах. Было проведено много обучающих семинаров в епархиях по многим сферам благотворительности.

— Что важнее в благотворительности: материальная или духовная поддержка?

— Я считаю, что благотворительность надо начинать с души человека, и для этого не обязательно иметь большие деньги: если один человек будет внимателен к другому, это уже благотворительность. К этому я и призываю. В сегодняшнем мире очень много боли. Но главная болевая точка — душа человека. И наша благотворительность в первую очередь обращена к ней. Ведь человеку можно помочь не только одеждой, обувью, продуктами питания, но и теплым словом, ласковым взглядом, участием, советом. Для меня образцом подлинно христианского милосердия является доктор Фридрих Иосиф Гааз, в России ставший Федором Петровичем,

Люди перестали прощать друг друга, разучились видеть в своем соседе что-то доброе и хорошее. Сейчас голос Церкви очень важен. Мы должны неустанно проповедовать Христа, нести миру свет Его Евангелия.

которого часто называли безудержным гуманистом, фанатиком добра... Призыв «Спешите делать добро!» стал не только девизом, но и содержанием всей его жизни.

— Эпоху выстраивания новых отношений Церкви и государства вы встретили на посту управляющего делами Московской Патриархии. Какие воспоминания у вас оставило то время?

— Святейший Патриарх Алексий II поручил мне подготовить Архиерейский Собор 1997 года. События происходили важные и интересные: образовывались новые епархии, епархиальные архиереи должны были адаптироваться к новым условиям. Все это было сложно, и моей задачей было «навести мосты» между местной властью и епархиальными архиереями. Бывало, что местная власть не входила в положение епархии. Слава Богу, приезжая на места, мне удавалось урегулировать эти вопросы.

Тогда впервые в рамках Министерства образования стали обсуждаться вопросы преподавания школьного курса основ православной культуры. И мы стали добрыми соработниками с министром и его заместителями.

Будучи управляющим делами Московской Патриархии, я получил очень много добрых наставлений и уроков от Святейшего Патриарха Алексия II, наблюдая за ним в самых разных ситуациях с разными людьми. Эти встречи, на которых я присутствовал, формировали мой опыт. Святейший был очень интересным собеседником. К нему приходили самые различные люди — от мэра Москвы и до президента. Я благодарю Бога, что Он сподобил меня общаться с таким мудрым человеком.

— В 2003 году вы возглавили Воронежскую епархию — первую для вас в статусе правящего архиерея. Какая задача стала для вас первоочередной на новом месте?

— На момент моего вступления на кафедру в Воронеже не хватало около 100 священнослужителей. Моим долгом было сделать так, чтобы в каждом приходе был свой священник, чтобы он стал для верующих своего прихода по-настоящему близким человеком. Для этого потребовалась постоянная и кропотливая работа с самими священнослужителями, чтобы они воспринимали церковное послушание с пламенным желанием служить Церкви, Богу и ближнему, ради спасения своей души и вверенных им пасомых, чтобы не было у них равнодушия к духовным нуждам своих прихожан.

Первый епископ Воронежской земли святитель Митрофан здесь встретился с теми проблемами, которые существуют и сегодня. И святитель Митрофан все делал для того, чтобы воцерковить народ. Мы знаем, что и во времена святителя Тихона Задонского здесь еще сохранялись остатки язычества, и святитель Антоний (Смирницкий) положил много трудов для укрепления Православия на Воронежской земле.

Слава Богу за все! За то, что мне выпал жребий служить в Воронежской митрополии, быть наследником великих святителей — Митрофана, Тихона и Антония; новомучеников и исповедников Воронежских. Благодарю Бога за молитвенный подвиг наших предшественников, многие из которых засвидетельствовали верность Христу своей жизнью. Думаю, что по их молитвам Господь дал мне возможность благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла служить в Воронеже. С духовной радостью я совершаю богослужения в освященном Его Святейшеством Благовещенском кафедральном соборе, где почивают мощи святителей Воронежских Митрофана и Тихона, а также принесенные из Соловецкой обители в 2009 году мощи священномученика Петра (Зверева), пребывают и многие другие святыни, к которым из разных концов России приезжают за благодатной помощью тысячи паломников.

— Владыка, какие духовные проблемы современного общества вам представляются наиболее опасными? В чем сложность архиерейского служения сегодня?

— К сожалению, в нашей православной стране, во всех ее регионах, проводится усиленная работа, направленная против религиозности

личности и, в частности, против Православия. Парадоксально, но никто не видит в этом ущемления конституционных свобод человека. Создается лжекультура, основанная на грехе, провоцирующая развитие животных инстинктов и препятствующая духовному развитию. Осмеиваются духовные ценности, в театральных постановках и кинофильмах искажаются нравственные ориентиры, заложенные в произведениях классиков. Интернет-ресурсы и социальные сети зачастую становятся площадками, где человек легко может найти оправдание и даже одобрение своих самых низменных наклонностей. Люди перестали прощать друг друга, разучились видеть в своем соседе что-то доброе и хорошее. В такой ситуации голос Церкви очень важен. Мы должны неустанно проповедовать Христа, нести миру свет Его Евангелия; вопросы миссии и катехизации остаются первостепенными в нашей жизни. Таким образом, цели деятельности священника и епископа остаются неизменными: как в атеистическом обществе времен СССР, так и сегодня мы должны быть «островками» святости. Если же епископ не переживает за свою паству, не ставит во главу

угла жизни цель быть по-евангельски «слугой» для своего ближнего (Мф. 20, 26), то он обречен на неуспех. Подвиг епископского служения состоит не во внешнем величии, которое присуще православному церковному богослужению. Если пастырь потеряет чувства смирения, сострадания и любви к человеку, то показная мишура

Митрополит Воронежский и Лискинский Сергей (Виталий Павлович Фомин) родился 24 августа 1949 г. в г. Краснозаводске Загорского района Московской области.

В 1970 г. окончил Московскую духовную семинарию, в 1974 г. — Московскую духовную академию. 26 августа 1973 г. пострижен в монашество, 21 сентября рукоположен во иеродиакона, 22 сентября — во иеромонаха. В 1977–1978 гг. — референт ОВЦС. В 1978 г. возведен в сан игумена. В 1978–1982 гг. — представитель Русской Православной Церкви при Христианской мирной конференции в Праге. В 1981 г. возведен в сан архимандрита. В 1982–1984 гг. — заместитель председателя ОВЦС. 30 января 1983 г. хиротонисан во епископа Солнечногорского, викария Московской епархии. С 26 декабря 1984 г. — представитель Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей в Женеве. 9 сентября 1988 г. возведен в сан архиепископа. С 31 января 1991 г. — председатель новообразованного Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению. В 1996–2003 гг. — управляющий делами Московской Патриархии, постоянный член Священного Синода. 19 февраля 1999 г. возведен в сан митрополита. 7 мая 2003 г. назначен на Воронежскую кафедру. В 2009 г. митрополит Сергей включен в состав Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. Решением Священного Синода от 25–26 декабря 2013 г. присвоен титул «Воронежский и Лискинский». Назначен главой новообразованной Воронежской митрополии. С 2017 года митрополит Сергей в составе комиссии Межсоборного присутствия по церковному просвещению и диаконии возглавляет рабочую группу по изучению проблематики пастырского окормления душевнобольных.

Архиерейское богослужение в день престольного праздника воинского Пантелеимоновского храма на территории Военно-воздушной академии. Воронеж. 9 августа 2012 г.

быстро слетит и народ скажет: такой священник или епископ нам не нужен. В трудное время нужно уметь давать человеку надежду, вручить ему в руки спасительный посох веры, на который он сможет опираться в своей жизни. И если мы сумеем помочь человеку в тяжелую минуту, то он будет счастлив и из Церкви никогда не уйдет.

— Возросло ли за прошедшие годы количество священников? Какие наставления и советы вы даете молодым клирикам?

— Слава Богу, у нас очень заметно выросло число священнослужителей, в большинстве это молодые люди. Есть специфика во взаимоотношениях правящего архиерея с молодым духо-

венством — важно, чтобы им было интересно и в общении, и в исполнении возложенных послушаний. Нужно направлять молодых священнослужителей, чтобы суть пастырского служения не подменялась другими интересами, например исключительной заботой о своей семье в ущерб духовной и богослужебной жизни, или иными увлечениями. Слово Божие говорит: *Проклят всяк, творящий дело Божие с небрежением* (Иер. 48, 10). А стоять у престола, служить Богу и народу Божию — самое значимое дело на земле. И если не будет в пастыре верных духовных приоритетов, не будет вектора устремленности вперед, то ничего у него не получится.

— Продолжается ли в Воронежской епархии строительство новых храмов?

— Несмотря на то, что в обществе подогривается негативное отношение к храмоздательству, на практике не бывает, чтобы новопостроенный храм оказался не востребован. Ярким примером стал Благовещенский кафедральный собор. Дело в том, что в центре города немало храмов, и когда новый величественный собор строился — некоторые недоумевали: кем он будет наполняться? Но теперь мы видим: каждое воскресенье и в праздники сюда собираются тысячи богомольцев, и в будние дни горожане приходят помолиться. Причем число прихожан в храмах, которые имеются вокруг, не уменьшилось: пришли новые люди, многие — целыми семьями. Так, благодаря возведению храмов происходит развитие церковной приходской жизни. К слову, сейчас подходит к завершению роспись ка-

Митрополит Сергей с преподавателями и воспитанниками Воронежской духовной семинарии в день освящения нового корпуса. 1 сентября 2016 г.

федерального собора, и отрадно видеть, как благоукрашается дом Божий на радость множеству верующих жителей нашего края.

Три года назад в новом жилом районе был возведен храм в честь иконы Божией Матери «Всецарица». Перед началом строительства, посещая Святую Гору Афон с духовенством и мирянами Воронежской епархии, мы обратились с просьбой к игумену Ватопедского монастыря отцу Ефрему, чтобы он благословил написать для нового храма небольшую копию иконы «Всецарица». Однако отец Ефрем сказал, что для большого города и храма нужна не маленькая, а большая икона. По окончании работ мы снова посетили Афон, приложили чудотворную икону к новонаписанному образу. И вот, слава Богу, теперь в новом воронежском храме пребывает самая большая в православном мире (более 2 м высотой) икона Богородицы «Всецарица», написанная на Афоне. Естественно, что храм сделался центром духовной, молитвенной жизни микрорайона. И со всей области приезжают сюда люди, страдающие онкологией, чтобы помолиться у чтимого образа.

— В современном мире, в том числе и в Воронежской епархии, деятельность Церкви выходит далеко за пределы храма: осуществляются важные социальные, духовно-просветительские акции. Удастся ли находить понимание у светской власти?

— Безусловно, есть и понимание, и поддержка. Мы стараемся выстроить общественное служение в нашей епархии так, чтобы оно отвечало запросам жителей нашего региона. В качестве примера могу привести служение женщин — матушек священнослужителей. Мы организовали епархиальный Женсовет еще в 2003 году, и это способствовало активизации женского благотворительного и социального служения в области. На протяжении многих лет мы осуществляем совместные проекты с администрацией области и местными администрациями районов и селений, решаем социальные задачи.

Значимый проект — благотворительная акция «Белый цветок». Мы были ее инициаторами в нашем регионе, и теперь она проводится ежегодно. Общество с энтузиазмом подхватило благое начинание. Отрадно видеть, как школьники и студенты изготавливают белые

бумажные цветы, а потом обмениваются ими за символические пожертвования. В результате складываются значительные суммы — мы направляем их на помощь детям, страдающим онкологическими заболеваниями. В прошлом году на территории Воронежской митрополии было собрано 13,5 млн руб. Всего за годы проведения «Белого цветка» в Воронежской области, с 2012 по 2018 год, было собрано 74,8 млн руб., оказана помощь 394 семьям.

Кроме благотворительной деятельности реализуется немало культурных, просветительских проектов. Многие из них — совместно с администрациями области, городов и районов. Мы проводим пастырскую работу в воинских частях, отделениях МЧС, вузах и школах. Священники и миссионеры работают в местах заключения, оказываем помощь беременным и молодым мамам, которые столкнулись с трудностями в жизни, проводим значительную работу по профилактике абортов. Для молодежи организуем просветительские встречи, выставки, спектакли, спортивные состязания.

Мы благодарим Бога за то, что нам доверяют и всегда идут навстречу представители власти, руководители всех уровней, нас понимает и поддерживает общественность, средства массовой информации объективно рассказывают о нашей деятельности.

— Приближается год 75-летия Великой Победы. Воронеж — город воинской славы, его земля прославлена доблестными подвигами наших солдат и офицеров, защитивших Родину от фашистских захватчиков. Скажите, пожалуйста, как верующие жители Воронежского края будут встречать знаменательную дату?

— То, что пережили воронежцы в годы Великой Отечественной войны, трудно описать. Линия фронта, проходившая через Воронеж 212 дней и ночей, разделила город на две части. Более 90% зданий были разрушены, город был практически стерт с лица земли...

В предстоящий праздник, конечно же, мы будем чествовать ветеранов, которые еще с нами, молиться о всех, кто героически положил на поле брани свою жизнь ради спасения Отечества, кто потрудился ради Великой Победы — каждый на своем месте.

Беседовал Николай Погосов